ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ҒЫЛЫМ ЖӘНЕ ЖОҒАРЫ БІЛІМ МИНИСТРЛІГІ
Л.Н. ГУМИЛЕВ АТЫНДАҒЫ ЕУРАЗИЯ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ

«ЛЕВ ГУМИЛЕВ ЖӘНЕ ҰЛЫ ДАЛА: ТАРИХ ЖӘНЕ ҚАЗІРГІ ЗАМАН»

XIX Халықаралық Еуразия ғылыми форумының

МАТЕРИАЛДАРЫ

МАТЕРИАЛЫ

XIX Международного Евразийского научного форума

«ЛЕВ ГУМИЛЕВ И ВЕЛИКАЯ СТЕПЬ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

MATERIALS

XiX International Eurasian Scientific Forum

«LEV GUMILYOV AND THE GREAT STEPPE: HISTORY AND MODERNITY»

14.10.2022

Астана

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ҒЫЛЫМ ЖӘНЕ ЖОҒАРЫ БІЛІМ МИНИСТРЛІГІ
Л.Н. ГУМИЛЕВ АТЫНДАҒЫ ЕУРАЗИЯ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ

«ЛЕВ ГУМИЛЕВ ЖӘНЕ ҰЛЫ ДАЛА: ТАРИХ ЖӘНЕ ҚАЗІРГІ ЗАМАН»
XIX Халықаралық Еуразия ғылыми форумының
МАТЕРИАЛДАРЫ

МАТЕРИАЛЫ
XIX Международного Евразийского научного форума
«ЛЕВ ГУМИЛЕВ И ВЕЛИКАЯ СТЕПЬ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

MATERIALS
XIX International Eurasian Scientific Forum
«LEV GUMILYOV AND THE GREAT STEPPE: HISTORY AND MODERNITY»

Астана, 2022

исследования ранее предполагаемого места захоронения одного из основателей Казахского ханства – Джаныбек-хана, проведенного Ишимской экспедицией под руководством М. К. Хабдулиной.

Рис. 6. Фрагмент топокарты «Дара жолы» Абылай-хана северо-восточнее города Кокшетау, по А.И. Лёвшину и по материалам Туркестанского сборника, имеются описания орографических объектов (*Чубарайгыр, Ногай конган*). Интересен тот факт, что Ногай– это историческая личность. Он жил в эпоху Тауке-хана и имел социальный статус батыра.

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ: ПЛАТФОРМА ИНОГАМОВА

Ишанходжаева З.Р., д.и.н., профессор
Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека

В истории Центральной Азии XX века было много сложных и противоречивых процессов. Это касалось и периода 1920-х–начала 1950-х гг., который отличался предельной политизацией духовной жизни общества, массовыми репрессиями, обрушившимся на деятелей науки, литературы и искусства, упрочением механизма командно-приказной системы управления жизнью общества, в том числе и культурой, абсолютизацией классового подхода, физическим истреблением обширных групп населения. Сегодня чрезвычайно важно изучение истории политических репрессий советской власти, жесткого силового давления в духовной сфере и в плане того, что убедительно показывает насколько несовместимо отсутствие демократии в обществе в целом, господство тоталитарных тенденций в государстве со свободным, творческим развитием национальной духовной культуры, причем не только в сфере литературы и искусства, но и в образовании, науке, просветительстве.

Свободный доступ в последние годы к фондам партийных и государственных архивов, введение в научный оборот широкого круга новых источников, способствовали появлению и расширению возможности изучения репрессивной политики советской власти в Узбекистане.

Следует сказать, что еще в первые годы советской власти, подчеркивая первостепенную важность развертывания борьбы с духовенством, другим, так называемыми «реакционными и средневековыми элементами», имеющими сильное влияние среди якобы «отсталых» народов, а также с «разного рода националистическими взглядами», большевики выдвигали перед партией задачу разработки способов этой борьбы. К середине 1920-х гг. в ее решении союзным руководством уже был накоплен значительный опыт. В частности, касаясь среднеазиатского региона, удалось уничтожить вооруженную оппозицию советской власти, существенно ослабить в жизни общества роль духовенства. Однако в Узбекистане, как во всех национальных республиках Союза, если использовать терминологию тех лет, «еще не была окончательно ликвидирована экономическая и социальная почва буржуазного национализма». Поэтому актуальность борьбы против любых его проявлений для партийных верхов сохранялась. Более того, обозначились новые факторы, которые усилили внимание ЦК ВКП (б) вопросам борьбы с так называемым «местным национализмом». [1,с.38]

Дело в том, что после образования СССР и последовательного укрепления властных позиций сталинской администрации на всем союзном пространстве среди национальных руководителей росло разочарование в проводимой центром политики национально-государственного строительства, высказывалось недовольство усилением «колонизаторских тенденций» ЦК Всесоюзной коммунистической партии, возрождением практики «административного командования». Причем, оппозиционно настроенные национальные лидеры Центральной Азии пытались объединить свои освободительные усилия.

Свидетельством тому явилось, состоявшееся в Москве 12–14 ноября 1926 г., «частное совещание националов – членов ВЦИК». Оно было созвано без ведома ЦК ВКП (б) по

инициативе и под председательством Т. Рыскулова, ставшего к тому времени заместителем председателя СНК РСФСР [2,с.39]

Участники совещания в своих выступлениях недвусмысленно обвиняли союзный партийный генералитет и центральное правительство в игнорировании интересов нерусских национальностей, невыполнении принятых на официальном уровне решений «О ликвидации фактического неравенства ранее угнетенных народов». Они с горечью констатировали, что ни одна республика не сделала серьезных шагов вперед в отношении этого неравенства, доставшегося в наследство от царского режима .

Совещание предъявило ЦК ВКП (б) целый ряд серьезных требований, в частности: построение центральных руководящих органов партии, являвшейся, как известно, главной из вертикалей власти советского государства, на основе национального представительства (имелось в виду производить выборы членов ЦК пропорционально от каждой национальной республики и области по национальному признаку); неизменно учитывать в проводимой союзным правительством социально-экономической и культурной политике национальный фактор.

Аналогичные настроения царили и в Узбекистане, где после национально-территориального размежевания и образования Узбекской республики отмечался подъем национального самосознания народа, активизировались усилия либеральной части национального руководства и передовой интеллигенции по обеспечению национально-государственной самостоятельности.

Учитывая этот фактор, ЦК ВКП (б), сразу же после образования новых среднеазиатских республик, сосредоточил энергичные усилия по предупреждению «опасности», исходящей от неконтролируемого роста национального самосознания, угрозы «местного национализма».

В русле борьбы с вышеназванной «опасностью» большевики активно вели борьбу с национальными лидерами, приклеивая им всевозможные ярлыки, как например «Группа 18». Борьба с идеологией «группы 18-ти» и в последующие годы оставалась в центре внимания союзных и республиканских партийных верхов, но особую остроту ей придало так называемое «разоблачение иногамовщины».

Важно подчеркнуть, что Рахим Иногамов, являясь заведующим отделом печати ЦК КП(б) Узбекистана, наиболее полно выразил царившие в то время оппозиционные настроения среди национальной интеллигенции по вопросам культурного строительства. Он и поддерживающая его группа ответственных национальных работников в лице Мавлянбекова, Исамухамедова, Шермухамедова, Бабаназарова и других выступили с обоснованной критикой национальной политики союзного руководства, диктатуры партии, с требованием ликвидации Средазбюро ЦК ВК (б) и порочной практики «десантирования» центром многочисленных политических эмиссаров, содействующих закреплению имперских скреп советского унитарного государства в Узбекистане, подавлению национального самосознания и традиционной культуры узбекского народа.

Свои взгляды Рахим Иногамов публично выразил в изданной в конце 1926 г. книге «Узбекская интеллигенция». В ней проводилась мысль, что ведущую роль в развитии общества призвана играть не «диктатура партии», а сам народ, духовно возглавляемый интеллигенцией. Отвергая приоритет классового подхода, он вслед за национальными просветителями прошлого, известными джадидами утверждал, что вся сила - в знании, в духовном просвещении, основанном на органическом единстве вековых национальных культурно-гуманистических традиций и общечеловеческих гуманитарных ценностей.

Платформа Рахима Иногамова, как истинного патриота, заключалась в тревоге за сбережение уникального национально-культурного наследия узбекского народа, он выступал против проводимой союзным Центром культурной политики, нацеленной на отрыв от

вековых духовно-культурных корней, губительной «пролетаризацию» духовного наследия, искусственного интернационального поравнения и разрушения национальной самобытности.

Несомненно, заслуга Рахима Иногамова и его сторонников в том, что они направили острие критики на главную опору советского тоталитаризма – компартию, через разветвленную сеть структурных подразделений которой формировалась имперская зависимость. И это сразу же уловили как в Москве, так и в кругах зарубежной эмиграции. Союзное руководство воспринимало позицию группы Иногамова как «буржуазный национализм», а туркестанские эмигранты как «протест смелых узбеков-коммунистов против диктатуры ЦК ВКП (б)». Показательна в этом отношении оценка лидера зарубежной эмиграции Мустафы Чокая, отметившего, что «группа узбеков, во главе с Рахимом Иногамовым, категорически требовала права узбеков на самоопределение, развязывание пути препятствий к полной и настоящей автономии и ликвидации опеки Среднеазиатского бюро над Туркестаном».

Партийные руководители видели чрезвычайную опасность оппозиционных выступлений группы Иногамова в его растущей поддержке как со стороны национальных коммунистов, так и широких слоев коренного населения. Секретарь Средазбюро ЦК ВКП (б) И.А. Зеленский в своем письме, отправленном в январе 1927 г. в политбюро ЦК ВКП (б), откровенно признавался, что Иногамов и его единомышленники «… имеют серьезную опору в партии и массах. Они могут стать сильными, поскольку вокруг них начинают объединяться все партийные элементы».

Почти сразу же Средазбюро и ЦК ВКП (б) решительно подняли всю партийную организацию республики на борьбу против так называемой «иногамовщины» с целью твердого пресечения «националистических вылазок» ее сторонников. Уже 16 января 1927 г. ЦК КП (б) Узбекистана направил письмо «Всем областным и городским, районным комитетам КП (б) Уз», в котором давалась политическая оценка «иногамовщины», полученная на заседении Исполнительного бюро ЦК КП (б) Узбекистана 12 декабря 1926 г [3,с.39]. В письме отмечалось, что политическая платформа «иногамовщины» – широкое предоставление свободы слова всем, вплоть до «контрреволюционных буржуазных элементов»; отрицание «успехов социалистического строительства»; отрицание «руководящей роли союзного пролетариата (в лице партии – авт.) в социалистическом строительстве в Узбекистане, приписывание ему колонизаторских функций», взгляд на национальную интеллигенцию как на руководящую силу; «неверие в творческие силы партии» свидетельствуют об отходе группы Иногамова на «позиции классового врага». Это «есть объективное выражение чаяний наших классовых противников, есть выражение мелкобуржуазной идеологии». ЦК КП(б) Уз призвал все партийные организации республики дать решительный отпор новой формации «мелкобуржуазного уклона».

Вместе с тем ЦК КП (б) Уз подчеркнул, что политическая платформа «иногамовщины», являвшаяся воплощением «реакционных взглядов» на сущность национальной политики партии в условиях диктатуры пролетариата, имела «четкую националистическую направленность». Эта оценка была развита в решениях XII пленума Средазбюро ЦК ВКП(б) (январь 1927 г.). В частности, на пленуме было заявлено, что суть «иногамовщины» состоит в том, что ее приверженцы – «это люди, подпавшие под влияние новой растущей мелкой буржуазии, которая проповедует (и ставит задачей) во что бы то ни стало оторваться от Советского Союза». Аналогичные мотивы доминировали и в других выступлениях участников пленума. В итоге XII пленум Средазбюро ЦК ВКП(б) принял резолюцию, в которой провозглашалось, что «иногамовщина, прикрывающая свою национал-шовинистическую сущность леворадикальными фразами и требованиями, представляющими собою выражение чаяний и стремлений радикальных элементов буржуазии и байства…», будучи «националистическим уклоном», представляет «наибольшую опасность» [4,с.6-7] .

Надо отметить, что борьба с «иногамовщиной», достигшая кульминации в конце 1926–1927 гг., не только совпала по времени с «разоблачением» «троцкистско-зиновьевского блока», но и носила на себе отпечаток этой борьбы. Вскрытые XV конференцией ВКП (б) (26 октября –3 ноября 1926 г.) «принципиальная несостоятельность взглядов оппозиционного блока», их «несовместимость» с «ленинизмом», жесткая классово-политическая оценка дали толчок массовому «очистительному» походу, активизации идеологического наступления на всем союзном пространстве. Именно в Узбекистане объявленный партией в начале 1927 г. идеологический «Худжум» проходил под лозунгом «Мафкура майдонида кураш» – активное наступление на всех участках идеологической борьбы «нового со старым». В контексте его осуществления предусматривалось, наряду с нарастающей чисткой партийных рядов, властно-управленческих органов, общественных организаций от «враждебных элементов», предпринять энергичные усилия по интенсивному проращиванию «ростков социализма» во всей духовной сфере.

Особое значение в этом отношении придавалось уничтожению любых каналов инакомыслия, ликвидации сохранившихся ещё идеологических институтов, способствующих проявлению так называемых «несоциалистических форм сознания, в частности религиозного».

Еще одна характерная черта того времени – стремление сталинского руководства «огнем и мечом» вытравить не только оппозицию, но и саму мысль о свободном национальном самоопределении, последовательно трансформировать идеологические методы подавления в политические репрессии. Так, в соответствии с генеральной линией ЦК ВКП (б) III съезд компартии Узбекистана определил в качестве первоочередной задачу «самым решительным образом вести твердую борьбу со всяческими националистическими уклонами как среди рабочих, так и в рядах партии». [5,с.323]

Применительно к Узбекистану особое «теоретическое и практическое значение» для дальнейшего углубления идеологического «Худжума» имел вывод XVI съезда ВКП (б) (16 июня-13 июля 1930 г.) о том, что обострение классовой борьбы в стране обусловливает и активизацию в рядах коммунистической партии национальных уклонов.

Рассмотренные ЦК ВКП (б) в тесной связи с «разоблачением теории и политики правого уклона» вопросы о «местном национализме», его призыв к ужесточению «нейтрализующих мер» по отношению к «националистической контрреволюции» послужили идейной платформой развертывания кампании по «поиску и уничтожению классовых врагов», переходу к практике политических репрессий в Узбекистане.

Ярким примером данной трансформации может служить «дело Иногамова». Так, после его изучения в Президиуме ЦК КП(б) Уз (январь–октябрь 1927 г.) Р.Иногамову первоначально было вынесено только партийное взыскание. Другие участники его «группы» (Н. Мавлянбеков, Алимов, Шермухаммедов, Ходжаев Н. и Бабаназаров) были «предупреждены о недопустимости каких бы то ни было шагов, направленных к возрождению групповой борьбы в партии». Сам Р. Иногамов был освобожден от работы в ЦК КП (б) Уз и направлен в Кашкадарью. В июле 1929 г. ему удалось пройти чистку в Бех-Будинской (Каршинской) городской организации. Однако в обстановке ужесточения политического климата партийное руководство посчитало необходимым усилить репрессивное давление. Президиум ОКК Кашкадарьинского округа 26 апреля 1930 г. под предлогом, что Р. Иногамов «уклонился от подачи письменного заявления и опубликовании в партийной печати о вредности допущенных им ошибок», отменил решение проверочной комиссии по чистке 1926 г. и пересмотрел ее материалы по «делу Иногамова». Ему был объявлен строгий выговор с направлением на низовую работу, связанную с производством.

В условиях непрекращающегося административно-политического давления Р. Иногамов вынужден был написать в апреле 1930 г. заявление в Средазбюро ЦК ВКП (б) и в ЦК КП (б) Уз с «признанием своих ошибок». Это письмо было помещено в газете «Правда

Востока» 30 мая 1930 г [6]. Партийному руководству важно было не только «выбить признание об ошибках» у Рахима Иногамова, но и публично его «идейно разоружить».

Тем не менее борьба против «иногамовщины» не прекращалась. В частности, решением Президиума ЦК КП (б) Уз от 12 ноября 1930 г. был исключен из партии Алимов.[7]. В 1931 г. политическим преследованиям подверглись «участники иногамовской группировки»: Н. Мавлянбеков, У. Ишанходжаев и Исамухамедов. [8]

Ширились гонения и против других представителей национальной интеллигенции. К примеру, в 1926–1929 гг. известный общественный деятель, один из основателей джадидского движения Мунаввар Кори Абдурашидханов ((узб. Munavvar Qori Abdurashidxonov, 1878—23 мая 1931) — узбекский просветитель, один из лидеров «джадидов», основатель национально-просветительского движения джадидов и руководитель организации Шура-и-Ислам в Туркестане.) периодически лишался властями работы и средств существования. Такой же участи подвергся Абдурауф Фитрат (узб. Abdurauf Fitrat; 1886, Бухара — 5 октября 1938, Ташкент) — узбекский советский историк, филолог, переводчик, писатель, драматург и поэт, один из основоположников современной узбекской литературы, один из известных представителей среднеазиатского джадидизма, первый узбек, получивший учёное звание профессор (1926). Сторонник национально-просветительского движения джадидов. Образование получил в Турции. До 1917 г. принимал участие в движении за независимость от России, находился под наблюдением полиции.). В конце 1920-х гг. были лишены работы и исключены из партии почти все работники бывшей «группы 18-ти» (Эта группа состояла из видных государственных деятелей И. Хидиралиева, М. Саиджанова, У. Ашурова, Р. Рахимбабаева, Р. Рафикова и др., которым было предъявлено необоснованное обвинение в том, что они неправильно решали многие вопросы. На самом деле они выступали против шовинистической политики Центра, его невнимании к национальным кадрам, взывали к справедливости и гуманности. За это они подверглись резкому осуждению со стороны партийных органов, были освобождены от занимаемых должностей и репрессированы.). В марте 1929 г. по надуманному обвинению в коррупции и в связях с пантюркистами и панисламистами, а в действительности за противодействие засилью представителей некоренных национальностей в органах суда и прокуратуры, за попытки спасти от расправы национал-патриотов из среды местной интеллигенции были сняты с занимаемых должностей председатель Верховного суда Узбекистана Сагдулла Касымов, члены Верховного суда и Ташкентского городского суда Шарипов, Алимов и судья Мирзачульского суда Мирзакаримов.[9,с.78-79]

Судебный процесс над ними был превращен в политический спектакль с заранее определенным исходом. Ни государственный обвинитель Р. Катанян, ни общественные обвинители Джахон Абидова и Сатти Хусайн не смогли привести ни одного доказательства действительно преступных деяний С. Касымова и его единомышленников. Зато упорно повторялось о так называемых «связях» подсудимых с Мунавваром Кари и созданной им партией «Турк адами марказияти», дружбе Касымова с адвокатом, известным в прошлом джадиде Убайдуллой Ходжаевым, являвшимся якобы уполномоченным представителем выдуманного «Туркестанского национального комитета», находящегося в Японии. [10,с.125]

В конце 1929 г. начались аресты членов национальной подпольной организации «Миллий истиклол» во главе с Мунавваром Кари. Из 85 арестованных членов этой организации 15 были расстреляны, остальные отправлены в исправительные лагеря. К смертной казни и длительным срокам были приговорены члены организации «Миллий иттиход» Рамзи, Насыр Саидов, Бату, Хосил Восилов, Собир Кадыров и др.

Раскрытие якобы подпольных организаций «Миллий истиклол» и «Миллий иттиход» союзные правящие верхи активно использовали для нагнетания политической истерии, развертывания в Узбекистане масштабной кампании по повсеместному «разоблачению» конкретных проявлений некоммунистической идеологии и подавления оппозиционных

выступлений, налаживанию бескомпромиссной борьбы с «националистической контрреволюцией», «протянувшей, как писалось в те годы, свои щупальца» к властным органам советской власти – аппарату силовых структур, учреждениям народного образования, печати, литературы и т.д. Все это подготавливало почву для идеологического оправдания и развертывания в республике массовых политических репрессий.[11,с.53]

Таким образом, предпринятый в статье концептуально-теоретический анализ позволяет сделать заключение, что тоталитарный репрессивный режим, установившийся в Узбекистане в 1920-1950 гг, не являлся исключительным явлением в советской истории. Руководителями партийных органов были заложены идеи правомерности тотального насилия, насильственного переустройства общества, в том числе и в духовной сфере. А сама политика «культурной революции» целиком исходила из стратегии утверждения имперского строя, базировалась на концепции государственного терроризма как ведущего метода «революционного» обновления, была нацелена на формирование тотализированной личности, отчужденной от национальных корней и культуры собственного народа, игнорируя при этом национальных лидеров во всех сферах общества, боровшихся за интересы своего народа.

Список использованной литературы и данных:

1. Ишанходжаева З.Р. Репрессивная политика советской власти и культура Узбекистана: трагедия выживания. Тафаккур; Ташкент;- 2011. С.38
2. Ишанходжаева З.Р. Репрессивная политика советской власти и культура Узбекистана: трагедия выживания. Тафаккур; Ташкент;- 2011. С.39
3.Очерки по истории Коммунистической партии Узбекистана. «Узбекистан», Ташкент. 1964. С.178.
4.Среднеазиатское бюро ЦК ВКП (б). Резолюции и постановления XII пленума 24–27 января 1927 г. –Ташкент: «Уз печать»; 1927. – С. 6–7.
5. Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК; -Ташкент: «Узбекистан»; 1988; т.1.– С. 323
6. Правда Востока. 1930, 30 мая.
7. Правда Востока. 1931, 18 апреля.
8. Правда Востока. 1931, 10 апреля.
9. Хасанов Б.В. Национальная интеллигенция Узбекистана и исторические процессы 1917–начала 1950–х годов.–Ташкент: Академия МВД РУз, 2000. – С.78–79.
10. Катанян Р. Против Касымова, против касымовщины. –Ташкент, 1931.– С. 125.
11.Ишанходжаева З.Р. Репрессивная политика советской власти и культура Узбекистана: трагедия выживания. Тафаккур; Ташкент;- 2011. С.53

ҚЫТАЙ АРХИВТЕРІНЕН ТАБЫЛҒАН КӨГЕДАЙ СҰЛТАННЫҢ ХАТЫ ЖӘНЕ ОНЫҢ ТАРИХИ МАҢЫЗЫ

Әбділәшімұлы Дүйсенәлі, т.ғ.д.
Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті
Қазақстан тарихы кафедрасының профессоры

Көгедай – Әбілпейіз сұлтанның қырғыз қызы Тұмар ханымнан көрген тұңғышы, ол ел билігіне ертерек араласып, алғашында інісі Сәменмен бірге бір бөлім Наймандар мен Керей елін билеген. Қытай жазба деректері бойынша, Көгедай Әбілпейіз сұлтанның 6-ұлы, Цяньлун жылнамасының 55-жылы (1790) Боғда Ежен ханға (Цяньлун патша) амандаса барғанда, патша оған лағыл төбе моншақ, қос көзді ұтағат қадаттырған [1]. Ол осы кезден бастап ресми тұрде 12 Абақ Керей еліне гун болып белгіленіп, ұзақ жыл билік жүргізген, қайтыс болған соң үлкен ұлы Ажы сұлтан билігін жалғастырған. Оның өз ажалынан емес, кісі таяғынан алған жарақаты асқынып 1823 жылы қаза тапқанын өзінен кейінгі інілері мен балаларының сол жылғы Іле генералына жазған арыз хатынан толық ұғынуға болады [2, 15 б.].